

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.07

Правильная ссылка на статью:

Билан Ю. В., Демкив О. Б. На пороге «союза закрытых дверей»: социальный портрет украинских еврооптимистов и евроскептиков // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 103—115. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.07.

For citation:

Bilan Yu. V., Demkiv O. B. On the threshold of the 'Union of Closed Doors': a social portrait of Ukrainian Eurooptimists and Eurosceptics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 3. P. 103—115. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.07.

Ю. В. Билан, О. Б. Демкив

НА ПОРОГЕ «СОЮЗА ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ»: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ УКРАИНСКИХ ЕВРООПТИМИСТОВ И ЕВРОСКЕПТИКОВ

НА ПОРОГЕ «СОЮЗА ЗАКРЫТЫХ
ДВЕРЕЙ»: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ
УКРАИНСКИХ ЕВРООПТИМИСТОВ
И ЕВРОСКЕПТИКОВ

ON THE THRESHOLD OF THE 'UNION OF
CLOSED DOORS': A SOCIAL PORTRAIT
OF UKRAINIAN EUROOPTIMISTS AND
EUROSCEPTICS

БИЛАН Юрий Валентинович — доктор экономических наук, доцент, факультет экономических наук и управления Щецинского университета, Щецин, Польша.

*E-MAIL: yuriy_bilan@yahoo.co.uk
ORCID: 0000-0003-0268-009X*

Yury V. BILAN¹ — Dr. Sci. (Sociol.), Associated Professor

*E-MAIL: yuriy_bilan@yahoo.co.uk
ORCID: 0000-0003-0268-009X*

*ДЕМКИВ Олег Богданович - кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии Львовского национального университета имени Ивана Франко, Львов, Украина. E-MAIL: oldemkiv@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5233-0472*

Yury B. Demkiv² — Cand. Sci (Sociol.), Associated Professor

*E-MAIL: oldemkiv@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5233-0472*

¹ *University of Szczecin, Szczecin, Poland*

² *Ivan Franko National University of Lviv, Lviv, Ukraine*

Аннотация. Еврооптимизм и евроскептицизм на протяжении последних десятилетий являются основными полюсами в публичном, политическом

Abstract. Over the last few decades, eurooptimism and euroscepticism has been in the focus of attention of public, political and scientific discourse in the

и научном дискурсе стран Евросоюза. Евроинтеграционный курс, провозглашенный украинской властью и реализуемый через институциональные и правовые изменения в контексте Соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной, актуализирует подобную структуру дискурса в украинском обществе. Дифференциация социальных ориентаций населения в этом контексте представляется релевантной к более изученным явлениям, в частности к социокультурной зональности регионов Украины. В то же время представляют интерес как степень распространения соответствующих ориентаций, так и составляющие социального портрета украинских еврооптимистов и евроскептиков. Указанные данные позволят, с одной стороны, оценить степень солидаризации украинского общества, а с другой — проанализировать степень легитимности и поддержки евроинтеграционных притязаний украинской власти. Эмпирическим материалом исследования служат данные опроса EU Neighbourhood Barometer, проведенного на рубеже 2013—2014 гг., то есть в период крайне высокой политической мобилизации населения как сторонниками, так и противниками евроинтеграционного курса, что гипотетически дает возможность оценить пределы распространения соответствующего дискурса.

Ключевые слова: еврооптимизм, евроскептицизм, евроинтеграция, массовые выборочные опросы

EU countries. The Ukraine's European integration course implemented through institutional and legal changes within the EU-Ukraine Association Agreement brings up to date this discourse in the Ukrainian society. The differentiation of social attitudes is absolutely relevant to the previously studied phenomena such as socio-cultural zoning of the Ukrainian regions. At the same time, the high prevalence of these attitudes as well as the elements of social portrait of the optimists and sceptics of the euro integration are of high interest. The data allow, on the one hand, assessing the degree of solidarization in the Ukrainian society and, on the other hand, analyzing the legitimacy and public support for Ukraine's European integration aspiration. The empirical basis of the study is the data of the EU Neighbourhood Barometer conducted in 2013—2014, i. e. in the time of the extremely high political mobilization of both supporters and opponents of the European integration course which hypothetically helps to evaluate the limits of this discourse.

Keywords: eurooptimism, euroscepticism, eurointegration, sample surveys

В современном публичном, научном и экспертном дискурсе тема объединенной Европы рассматривается в системе координат, очерченной двумя крайними позициями: еврооптимизмом и евроскептицизмом. Обе эти комплексные установки касаются оценки практик и перспектив функционирования Евросоюза

и отличаются по степени критичности от полного одобрения до полного неприятия процесса европейской интеграции [Szczerbiak, Taggart, 2003: 2—3]. Эта тенденция в странах ЕС сложилась довольно давно и лишь усиливается под давлением вызовов и проблем, таких как вхождение новых членов, выход из состава ЕС, экономические колебания, интенсификация миграционных потоков и соответствующие риски, и т. д. Часть подобных вызовов, которые интенсифицируются под влиянием названных факторов, касается политики соседства и такой формы международного сотрудничества и интеграции, как ассоциация.

Казалось бы, комплекс представлений под названием «еврооптимизм» релевантен исключительно странам-членам ЕС. Действительно, установки еврооптимизма и евроскептицизма сформировались именно в ЕС, но воображаемая дискурсивная Европа является настолько мощным генератором смыслов, что и европейская идентичность, и такие явления, как евроскептицизм и еврооптимизм, вышли далеко за пределы политических границ ЕС и проникли как в массовый, так и в научный дискурс разных стран, в частности на постсоветском пространстве.

Так, например, российская исследовательница О. С. Логинова отмечает касательно релевантности названных понятий российскому обществу следующее: «Фактически речь идет о проявлении... тенденций, существующих в российской общественно-политической жизни на протяжении нескольких столетий» [Логинова, 2015: 12]. С использованием понятий «еврооптимизм» и «евроскептицизм» интерпретируются результаты всероссийского мониторинга ИС РАН, в рамках которого респондентам задавался вопрос: «Россия является частью Европы или частью Евразийского пространства?» [Парамонова, Семенова, 2015].

В Украине, на первый взгляд, наблюдается подобная дифференциация массовых установок относительно объединенной Европы; длительный период времени она присутствует в широком дискурсе, который касается выбора геополитического вектора интеграции. Многочисленные исследования украинских социологов довольно детально зафиксировали динамику подобных ориентаций с начала 2000-х годов¹. Как отмечает М. Паращевин: «Вопрос этот в течение всего периода независимости Украины был болезненным, став одним из основных конфликтогенных и дезинтегрирующих факторов, резко обострившимся после 2013 г.» [Паращевин, 2016].

До политического кризиса на рубеже 2013—2014 гг. евроинтеграционные процессы были более делом политических деклараций, а склонность масс населения к еврооптимизму или евроскептицизму формировалась скорее информационно-культурным дискурсивным влиянием, чем личным жизненным опытом. Без сомнений, дискурс еврооптимизма и евроскептицизма в украинском обществе пока малосодержателен, он наполнен упрощенными восприятиями и схемами и отличается от соответствующего дискурса в странах самого Евросоюза.

В последних важными элементами еврооптимизма являются: одобрение мультикультурализма, толерантность к меньшинствам, представления об общей европейской идентичности, убеждения в необходимости пересмотра политики памяти, особенно относительно региональных конфликтов прошлого. Евроскептицизм,

¹ См., в частности, работы коллектива Института социологии НАН Украины, проведенные на основании анализа данных ежегодного «Социологического мониторинга» [Геополітичні орієнтації..., 2009; Стегній, 2012; Паращевин, 2016; Дембійський, Любива, 2014].

напротив, отстаивает позитивное отношение к национальному суверенитету, культурной самобытности, децентрализации власти, протекционизму.

В случае украинского общества нет оснований говорить о подобном содержании массовых установок относительно еврооптимизма и евроскептицизма.

В то же время начало изменений институционально-правового контекста и массовых представлений датируется рубежом 2013—2014 гг., когда после массовых антиправительственных выступлений евроинтеграционные процессы приобрели уже значительно более практическое измерение. В течение следующих трех лет был осуществлен ряд институциональных и законодательных изменений, направленных на выполнение требований по заключению Ассоциации между Украиной и ЕС² и «Плана действий по визовой либерализации»³. В частности, речь идет о создании ряда антикоррупционных структур, изменении антикоррупционного законодательства, реформе правоохранительных органов и системы государственных закупок, внесении антидискриминационных поправок в трудовое законодательство, электронном декларировании доходов чиновников, либерализации валютного рынка, регулировании цен, введении биопаспортов и т. д. Таким образом, в Украине, хоть и с препятствиями, все же выстраивается новое институционально-правовое поле, приближенное к тому, которое функционирует в странах Евросоюза.

С другой стороны, эти существенные изменения не всегда популярны как среди масс населения, так и в экспертной среде. Позиции евроскептицизма усилило и промедление властных структур Евросоюза, ограниченных сложной системой принятия решений, в вопросе введения безвизового режима с Украиной. Кроме того, сама возможность рассматривать ассоциацию как шаг к полноправному членству в Евросоюзе вызывает значительное сопротивление, в частности со стороны правительств стран так называемой старой Европы, что уже воплотилось в принятии механизма приостановления безвизового режима, отказе от гарантий безопасности, доступа к структурным фондам и доступа граждан Украины к рынку труда ЕС. Такие шаги охлаждают еврооптимистические настроения и обосновывают полемическую метафору о ЕС как о «союзе закрытых дверей».

Соответственно, проблематики как еврооптимизма, так и евроскептицизма в украинском обществе актуализируются уже более предметно, чем раньше. Распространение в обществе соответствующих ориентаций характеризует и смежные, и более масштабные явления массового сознания, а именно степень солидаризации общества как в смысле межгрупповых идентичностей и отношений, так и в смысле солидаризации с провозглашенным властью вектором развития страны.

Ниже рассмотрим такие аспекты проблематики, как эмпирические показатели, характеризующие ориентации населения в измерении «еврооптимизм / скептицизм»; доля носителей соответствующих ориентаций в современном украинском

² Association Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part [Электронный ресурс]. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:22014A0529\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:22014A0529(01)) (дата обращения: 21.06.2017).

³ Sixth Progress Report on the Implementation by Ukraine of the Action Plan on Visa Liberalisation. 18.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-905-EN-F1-1.PDF> (дата обращения: 21.06.2017).

обществе в кросс-национальном измерении других стран-соседей Евросоюза и внутринациональном измерении. В эмпирической части исследования мы на основании данных четвертой волны исследования «Барометер соседства ЕС» (EU Neighbourhood Barometer) осветим эти аспекты. Исследование охватило 16 ближайших соседей Европейского союза [European Commission..., 2016]. Опрос, проведенный методом личного интервью, в Украине охватил тысячу респондентов в возрасте 15 лет и старше, отобранных по вероятностной стратифицированной многоуровневой выборке, комбинированной с целенаправленной выборкой (отбор респондентов на уровне домохозяйств осуществлялся по заранее определенной квоте по признакам пола и возраста).

В Украине исследование проводилось в период с 14 декабря 2013 г. по 4 января 2014 г., то есть в момент обострения внутривосточного конфликта, в центре которого был вопрос евроинтеграционного направления Украины. В связи с этим можем предположить, что массовая поддержка обеих ориентаций (еврооптимизма и евроскептицизма) была в значительной мере мобилизована политическими агентами, которые продвигали те или иные политические альтернативы. В связи с этим доля населения, которая в тот период декларировала ориентации еврооптимизма или евроскептицизма, может быть существенно выше, чем в другие периоды, которые не обозначены таким политическим напряжением и высоким уровнем политической мобилизации.

В задачи нашего исследования входят реконструкция социальных портретов носителей ориентаций еврооптимизма и евроскептицизма и выявление соответствующих дифференцирующих структур. Содержательное наполнение соответствующих социальных портретов имеет не только диагностическое, но и прогностическое значение, поскольку позволяет очертить в общем «дерево возможностей» трансформации массового сознания украинского общества. Ниже проанализировано распределение значений индекса еврооптимизма по тем измерениям (или дифференцирующим структурам), которые, вероятно, могут выступать частью механизма воспроизводства социальных различий (в понимании П. Бурдьё) в ориентациях украинцев относительно Евросоюза.

Прежде всего выясним, какова степень распространенности (или сформированности) позиций еврооптимизма и евроскептицизма среди населения Украины в кросс-национальном измерении. Инструментарий анализируемого опроса содержал вопросы, касающиеся отношения респондентов к ряду аспектов функционирования Евросоюза и отношений между ЕС и странами-соседями. Распределение ответов респондентов на эти вопросы характеризуют целостный комплекс социальных ориентаций в измерении «еврооптимизм — евроскептицизм». На основании этих вопросов был создан аддитивный индекс (далее в тексте — индекс еврооптимизма). О статистической надежности индекса еврооптимизма как измерительного инструмента свидетельствуют результаты конфигурационного факторного анализа и показатель альфа Кронбаха (табл. 1).

И для всей выборки четвертой волны EU Neighbourhood Barometer, и для украинской выборки было выявлено, что индекс еврооптимизма достаточно внутренне согласован, для того чтобы использоваться как в исследованиях национальных украинских распределений уровня еврооптимизма, так и в кросс-национальном измерении.

Таблица 1. Инструментарий конструирования индекса еврооптимизма и степень его статистической согласованности

Показатели, которые вошли в состав индекса еврооптимизма ¹	Факторные нагрузки показателей в пределах однофакторной модели для всего массива	Альфа Кронбаха для всего массива	Факторные нагрузки показателей в пределах однофакторной модели для Украины*	Альфа Кронбаха для Украины
	n = 16 097		n = 1000	
Каково Ваше отношение к Евросоюзу? Положительное или отрицательное?	0,863	0,755	0,890	0,804
Насколько Вы согласны с тем, что Евросоюз приносит мир и стабильность странам региона?	0,849		0,856	
Каковы, по Вашему мнению, отношения между Евросоюзом и Украиной?	0,755		0,794	

* Инструментарий исследования предусматривал в ответах на все три приведенных вопроса четырехбалльную шкалу, в которой альтернатива «1» означала полное согласие или положительную оценку, альтернатива «4» означала полное несогласие или отрицательную оценку. Для удобства восприятия соответствующие шкалы были перекодированы таким образом, что показатели, приближенные к значению «1», свидетельствуют о низком уровне еврооптимизма, а приближенные к «4» — о высоком уровне еврооптимизма. Приведенная шкала является порядковой, одновременно очень широкая практика обработки подобных данных как метрических легитимизует такую работу с данными. Как по этому поводу отмечает Г. Татарова: «Социологи с порядковыми шкалами иногда работают как с числами, то есть проводят все арифметические операции» [Татарова, 1999: 44]. Предостережение в литературе вызывает использование дихотомных и трихотомных шкал (см. Большой толковый социологический словарь, 1999: 349).
Факторное моделирование проведено методом главных компонент. Величина критерия адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КГО) — 0,667, значение р уровня критерия многомерной нормальности для распределения переменных (критерий сферичности Барлет) — 0,000. Эта однофакторная модель объясняет 67,8% дисперсии.

В представленном ранжировании (рис. 1) население Украины по критерию Тамхена ($p < 0,05$) не демонстрирует статистически значимых отличий уровня еврооптимизма по сравнению с населением Иордании, Израиля, Молдавии, Палестинских территорий, Ливана, Армении, Ливии.

Одной из типичных ошибок в кросс-национальных исследованиях является так называемая экологическая ошибка (англ. — ecological fallacy), которая заключается в том, что внутренне сложный объект воспринимается исследователем как однородный. Иначе говоря, типичны ситуации, когда на уровне кросс-национального сравнения исследователь неоправданно пренебрегает существенными различиями в ориентациях населения отдельных стран. Безусловно, когда речь идет о наложении сложной проблематики внешнеполитических ориентаций и политического конфликта (напомним, опрос проводился в разгар политического

кризиса в Украине, в центре которого был отказ власти от евроинтеграционного курса), внимание к внутринациональной дифференциации крайне важно. Иначе исследуется лишь абстрактная «средняя температура по больнице».

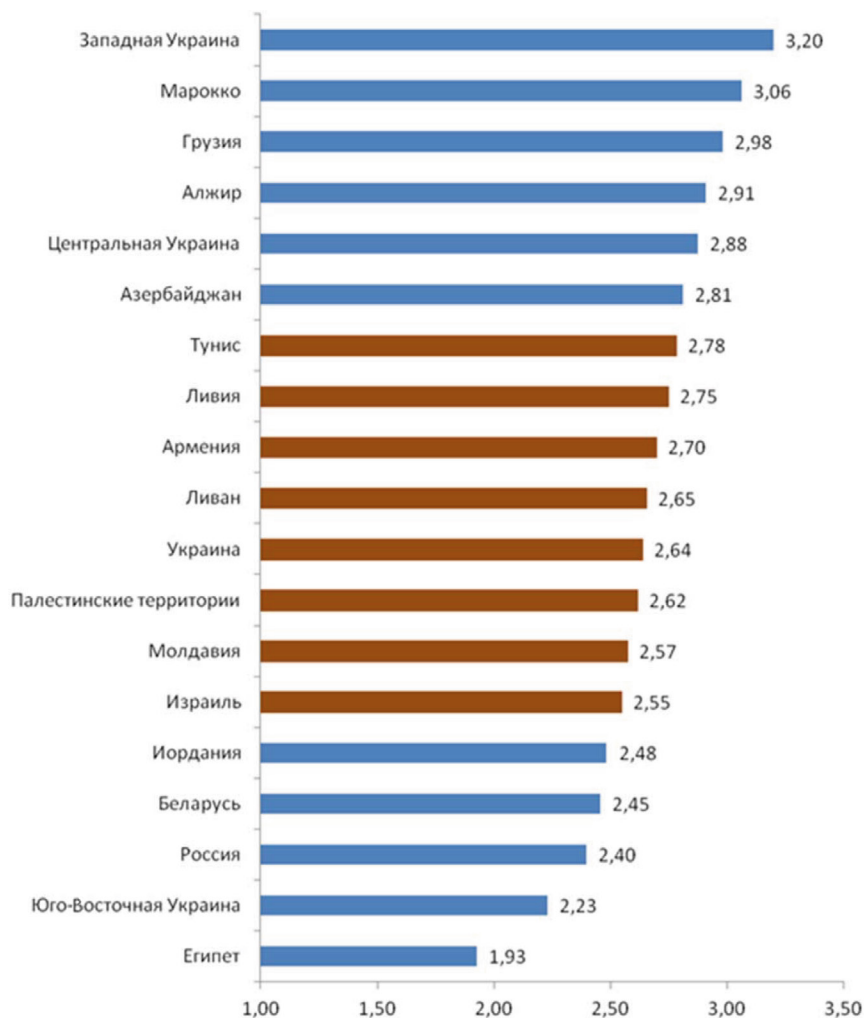

Рис. 1. Уровень еврооптимизма стран-участниц исследования EU Neighbourhood Barometer (четвертая волна)

Принадлежность к макрорегионам Украины описывается в научном дискурсе как один из самых масштабных факторов, определяющих комплекс социальных ориентаций, особенно в общественно-политической сфере. Специфичность социокультурной и информационной ситуации, исторической памяти, иерархии идентичностей и политических лояльностей формирует региональную социокультурную специфику, которая содержательно показана в многочисленных исследовани-

ях (см. например, [Україна модерна, 2007]. Выводом из этих многочисленных исследований является наличие своеобразного «градиента» или зонирования, в котором характеристики общественно-политических ориентаций меняются с востока на запад, соотносясь, в частности, с концептами «разорванных обществ» [Huntington, 1993], «исторических границ» [Кандрычын, 2010], теорий «зависимого развития» [Frank, 1996], «имперского культурного наследия и постимперской культурной зависимости» [Куценко, Горбачик, 2014] и др. Как отмечает по этому поводу С. Кандрычын: «Пример дифференциации социального пространства Украины следует отнести к самым известным вариантам проявления действия исторического фактора в современном поле общественной жизни» [Кандрычын, 2010].

Как свидетельствуют данные исследования «Барометер соседства ЕС», уровень еврооптимизма принадлежит к тем характеристикам, которые распределяются по логике своеобразного градиента, достигая противоположных значений в Западном и Восточном регионах Украины. На рис. 1 макрорегионы Украины представлены как отдельные единицы наблюдений. Фиксируется их существенная поляризация: между всеми регионами Украины, за исключением Восточного и Южного, существует статистически значимая разница в уровне еврооптимизма (на уровне 0,05). Отсутствие различий между Южным и Восточным регионом, по этому показателю, объясняется в рамках теоретизаций вышеупомянутого социокультурного градиента тем, что Южный и Восточный макрорегионы Украины никогда (в обозримом историческом прошлом) не были разделены политическими границами и, соответственно, представляли относительно однородную социальность.

Неожиданная находка — население Западной Украины было, по состоянию на начало 2014 г., наиболее еврооптимистичным по сравнению с населением всех других обществ — соседей ЕС. В этом случае мы имеем дело с достаточно сильной дискурсивной референтной моделью «хорошего общества», которая усилилась в условиях политического конфликта и актуализации социокультурной дифференциации регионов. Ирония заключается в том, что такая вспышка еврооптимизма кажется несвоевременной, особенно учитывая многочисленные противоречия, разочарование масс населения самого Евросоюза и неутешительные прогнозы по поводу будущего этого надгосударственного образования. В этом смысле мы видим существенный контраст между украинским еврооптимизмом и европейским евро- и украино- скептицизмом.

В рамках внутринациональных распределений индекса еврооптимизма представляет интерес то, в какой степени наличие соответствующих ориентаций населения обусловлено личным опытом и осведомленностью относительно ЕС, а в какой — является следствием действия других факторов. К числу этих факторов гипотетически могут относиться культурно-дискурсивные и социально-демографические. Культурно-дискурсивные факторы обусловлены включенностью индивидов в определенную социальную / культурную / информационную среду, наличием определенных социокультурных аффилиаций (представлением о референтных группах, идентичностях, системах политической лояльности и др.). Взаимосвязь установок еврооптимизма с социально-демографическими характеристиками гипотетически может актуализироваться через влияние возрастных и гендерных особенностей, уровня образования, профессионально-статусных позиций

и др. Ниже рассмотрим соотношение релевантных характеристик личного опыта респондентов и значений индекса еврооптимизма (табл. 2).

Таблица 2. Мера однонаправленности значений индекса еврооптимизма и релевантных показателей личного опыта респондентов по макрорегионам Украины

Регион проживания	Среднее значение индексирует еврооптимизм *	Стандартные отклонения	Доля еврооптимистов / неопределенных / евроскептиков (%)**	Имеют опыт пребывания в странах ЕС (%; n)	Имеют родственников, находящихся в странах ЕС (%; n)
Западный	3,2	0,61	80,5 / 6,2 / 13,3	9,1 (22)	36,5 (88)
Центральный	2,876	0,69	65,7 / 14,1 / 20,2	10,1 (25)	16,1 (40)
Юго-Восточный	2,23	0,74	35,5 / 47,5 / 17	3,7 (19)	12,1 (62)

* Разница показателей значима на уровне 0,05.
 ** В группу еврооптимистов были включены респонденты, ответившие на все вошедшие в состав индекса вопросы «Полностью согласен» и «В большей степени согласен, чем не согласен». К группе евроскептиков были отнесены те, кто на все вопросы ответил «Совершенно не согласен» или «В большей степени не согласен, чем согласен».

Как видим, регионы с существенно большей долей еврооптимистов демонстрируют большую однородность оценок и более высокий уровень определенности отношений населения к ЕС. Напротив, для Юго-Восточного региона, среди населения которого фиксируется более высокая доля евроскептиков, одновременно характерны и меньшее единодушие населения, и меньшая определенность в отношении к ЕС (доля неопределившихся тут составляет около половины населения региона!).

Для Западного и Центрального региона характерны более высокие показатели личного опыта респондентов в том, что касается пребывания в странах ЕС и проживания в этих странах родственников респондентов, чем для Юго-Восточного региона. Так, среди респондентов Западного региона 36,5% респондентов имеют родственников, находящихся в странах ЕС, а среди респондентов Юго-Восточного региона таких только 12,1% (см. табл. 2). Хотя значимость различий по этим показателям между Центральным и Юго-Восточным регионом не слишком существенная, все же имеется «однонаправленность» показателей, что соответствует вышеупомянутому социокультурному градиенту.

В рамках нашего исследования мы сосредотачиваемся на ряде факторов, определяющих ориентации еврооптимизма и евроскептицизма. Принадлежность к макрорегионам актуализируется в сознании людей через включенность в определенные сообщества, культурно-информационные пространства, идентичности, иерархии политической лояльности и др. Эту группу факторов можем назвать социокультурной, или дискурсивной. Другую группу факторов, социально-демографических и социально-экономических, рассмотрим ниже (см. табл. 3).

Таблица 3. **Степень однонаправленности социально-демографических и социально-экономических показателей с показателями еврооптимизма**

Группы респондентов		<i>n</i>	Среднее значение индекса еврооптимизма	Доля еврооптимистов / неопределенных / евроскептиков (%)
Возраст, в котором респондент закончил учебное заведение **	В возрасте до 15 лет	37	2,33	28,6 / 40,5 / 31,0
	В возрасте от 16 до 19 лет	283	2,63	46,7 / 29,0 / 24,3
	В возрасте 20 лет и старше	374	2,64	50,5 / 24,9 / 24,6
	Учусь в это время	79	2,9	64,7 / 15,3 / 20,0
Насколько довольны жизнью в целом? *	Очень удовлетворен	67	2,87	62,5 / 20,8 / 16,7
	Вполне удовлетворен	310	2,73	56,4 / 20,9 / 22,7
	Не очень удовлетворен	411	2,53	43,2 / 29,8 / 27,0
	Полностью не удовлетворен	135	2,6	51,1 / 30,5 / 18,4
Часто ли Вам не хватает средств на оплату ваших расходов? *	Почти всегда	122	2,37	38,3 / 32,8 / 28,9
	Иногда	374	2,55	46,5 / 28,4 / 25,1
	Почти никогда или никогда	400	2,76	56,6 / 23,7 / 19,7

* — разница средних значений значима на уровне 0,05.
 ** — разница средних значений значима на уровне 0,01.

Зафиксированы определенные статистически значимые различия в уровне еврооптимизма между группами респондентов, которые являются носителями разных социально-демографических и социально-экономических характеристик. Среди социально-демографических показателей было выявлено, что факторы гендера и возраста несут незначительное влияние на дифференциацию ориентаций еврооптимизма. В то же время оказалось, что имеет существенное значение уровень образования респондентов (этот показатель в опросе «Барометр соседства ЕС» [European Commission..., 2013] операционализирован через выяснение возраста, в котором респондент закончил обучение). Наиболее значима разница уровня еврооптимизма респондентов, которые прекратили обучение в достаточно раннем возрасте (до 15 лет), и респондентов, которые на время проведения опроса продолжают обучение. Этих данных мало для того, чтобы перевести гипотезу о «европеизирующем» влиянии образования на молодых людей в статус доказанной. В то же время считаем, что для усиления гипотезы, которую еще предстоит верифицировать в будущем, приведенных данных достаточно.

Исследование показало, что модальный украинский еврооптимист преимущественно является жителем Западного или Центрального региона. Модальный евроскептик проживает в Юго-Восточном регионе. В статусе гипотезы остается предположение о «европеизирующем» влиянии высшего образования и о характере взаимосвязи между уровнем материального благосостояния, социальным самочувствием, уровнем патерналистских ожиданий и ориентаций еврооптимизма или евроскептицизма.

Еще одним перспективным аспектом исследования ориентаций населения Украины относительно ЕС является выявление механизмов их распространения на уровне «низовой», горизонтальной социальной коммуникации. В этом смысле возможно плодотворное использование одного из инструментов, встроенных в инструментарий EU Neighbourhood Barometer, — индекса «влияния на общественное мнение» (opinion leadership index)⁴. Мы предполагаем, что в условиях массовой политической мобилизации пропагандистские эффекты деятельности политических агентов мультиплицировались, попав на благоприятную социокультурную и социально-демографическую почву, а массы населения стали добровольными и активными ретрансляторами ориентированного на евроинтеграцию политического дискурса. Так, в Центральном и Западном регионах Украины еврооптимисты на время исследования имели более высокие показатели этого индекса, чем евроскептики. В то же время в Юго-Восточном регионе таких различий между этими двумя группами не зафиксировано. Можем предположить, что еврооптимисты, имея преимущество в структуре населения части регионов, одновременно имея и более высокие показатели воздействия на общественное мнение, выступали своеобразными агентами изменений на уровне межличностных коммуникаций. В Юго-Восточном регионе «разлом дискурса» был не в пользу еврооптимистов, и, кроме того, здесь они не оказывали существенного влияния на формирование общественного мнения на уровне межличностных коммуникаций. Представляет интерес и выявление содержания и социальных функций «дискурсивной Европы» в современном украинском обществе.

Вероятно, что в дальнейшем исследование еврооптимизма и евроскептицизма украинских граждан будет все более предметным и коснется не абстрактных, общих и, соответственно, дискурсивных ориентаций (таких как отношение к ЕС или принадлежность Украины к Европе или Евразии), а содержательных вопросов, относящихся к конкретным шагам в процессе унификации институционального и правового поля Украины и ЕС. Представляет интерес динамика соответствующих ориентаций, особенно в контексте «холодного душа», который встречает Украину на пороге полноценного вступления в силу ассоциации. Соответственно, в следующем периоде новейшей истории Украины можем прогнозировать рост группы евроскептиков и группы неопределенных.

Такие изменения вполне предсказуемы, в то же время возникает следующий вопрос: сохранятся ли в дальнейшем (будут углубляться или ослабнут) межрегиональные различия в геополитических ориентациях украинцев, поскольку сохра-

⁴ Индекс, сконструированный авторами исследования EU Neighbourhood Barometer, состоит из комбинации таких показателей, как интерес к политике и ответ на вопрос: «Часто ли случается, что в дискуссии с друзьями вы убеждаете их в своей правоте?».

нение выявленных в рамках этого исследования распределений не дает никаких оснований для положительного прогноза развития украинского общества в его современных границах.

Список литературы (References)

Кандрычын С. Преступность в ареале «столкновения цивилизаций»: пример Украины и Беларуси // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 3. С. 71—83. [Kandrychyn S. (2010) Crime in the space of clash of civilizations: Ukraine and Belarus case studies. *Sociology: theory, methods, marketing*. No 3. P. 71—83. (In Russ.)]

Куценко О. Д., Горбачик А. П. Постимперские регионы: ассоциированная зависимость в развитии Восточной Европы // Мир России. 2014. № 1. С. 60—86. [Kutsenko O. D., Gorbachik A. P. (2014) Post-imperial regions: associated dependence in East-European development. *Universe of Russia*. No 1. P. 60—86. (In Russ.)]

Логинава А. Повышение конкурентоспособности российского высшего образования в условиях выхода на международный рынок образовательных услуг // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 1. С. 11—16. [Loginova A. (2015) Enhancing the competitiveness of the Russian higher education when entering the international market of education services. *Innovative projects and programs in education*. No 1. P. 11—16. (In Russ.)]

Парамонова С., Семенова Т. Перспективы социологической науки (по материалам 12-й конференции международной европейской ассоциации) // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 135—139. [Paramonova S., Semenova T. (2015) Perspectives of social science (based on the 12th Conference of the International European Association). *Society and Power*. No 6 (56). P. 135—139. (In Russ.)]

Паращевин М. Конфессиональные особенности геополитических ориентаций населения Украины // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 111—126. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.08. [Paraschevin M. (2016) Confessional features of geopolitical orientations of the Ukrainian population. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No 5. P. 111—126. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.08 (In Russ.)]

Татарова Г. Методология анализа данных в социологии (Введение) // 2-е изд. М.: Nota bene, 1999. [Tatarova G. (1999) *Methodology of data analysis in sociology (Introduction)*. Moscow: Nota bene. (In Russ.)]

Геополітичні орієнтації населення і безпека України. За даними соціологів. Упорядник М. О. Шульга. К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2009. [Shul'ga M. O. (2009) *Geopolitical orientations of the population and security in Ukraine. Sociologist data*. Kiev, TOV «Drukarnya «Biznespoligraf». (In Ukrainian)]

Дембіцький С., Любива Т. Геополітичні орієнтації населення України: до і після конфлікту з Росією // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. 2014. Вип. 1 (1). С. 141—146. [Dembitsky S., Lyubiva T. (2014) *Geopolitical orientations of*

the Ukrainian population: before and after the conflict with Russia. *Ukrainian society: monitoring of social changes*. Issue 1(1). P. 141—146. (In Ukrainian)]

Стегній О. Г. Україна на геополітичній мапі: погляд громадської думки // *Вісник Львівського університету*. Серія Соціологічна. 2012. Випуск 06. С. 5—16. [Stegniy O. G. (2012) *Bulletin of the Lviv National University. Sociology Series*. Issue 06. P. 5—16. (In Ukrainian)]

Україна модерна («Львів — Донецьк: соціальні ідентичності в сучасній Україні». Спеціальний випуск). Ч. 12 (2). Київ-Львів, 2007. [Modern Ukraine (Lviv — Donetsk: social identities in modern Ukraine. Special Issue. Part 12(2). Kiev-Lviv, 2007. (In Ukrainian)]

European Commission, Directorate-General for Neighbourhood and Enlargement Negotiations (2016): EU Neighbourhood Barometer Wave 4 — Autumn 2013. TNS opinion (producer). GESIS Data Archive, Cologne. ZA6291 Data file Version 1.0.0. doi:10.4232/1.12497.

Frank A. G. (1996) *The Underdevelopment of Development*. In S. C. Chew, R. A. Denemark (eds). *The Underdevelopment of Development: Essays in Honour of Andre Gunder Frank*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 17—55.

Huntington S. P. (1993) *The clash of the civilizations?* *Foreign Affairs*. Vol. 72. No 3. P. 22—49.

Szczerbiak A., Taggart P. (2003) *Theorising Party-Based Euroscepticism: Problems of Definition, Measurement and Causality*: Sussex European Institute. University of Sussex. (SEI Working Paper, 69).